

Посвящается Джулии и Лауре

MICHAEL RIDPATH

**THE
MARKETMAKER**

PENGUIN BOOKS

Серия «Экономический роман»

МАЙКЛ РИДПАТ

БИРЖЕВОЙ ДЬЯВОЛ

Перевод с английского



Москва
2007

УДК 82-3;336.76
ББК 84(4Вел);65.264
P49

Перевод М. Вершовский

Редактор Н. Казакова

Ридпат М.

P49 Биржевой дьявол / Майкл Ридпат; Пер. с англ. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. — 546 с.

ISBN 978-5-9614-0512-5

Гуманитарий-русист Ник Эллиот понимает, что рискует продать душу дьяволу, поступив в брокерскую фирму Dekker Ward, но ему отчаянно нужны деньги. Шеф Ника, предпринимчивый Рикарду Росс, больше известен как маркетмейкер. Его кредо — «кто не с нами, тот против нас». Поначалу Нику кажется, что он наконец-то ухватил удачу за хвост, но тут начинают происходить странные вещи. Сначала он узнает, что его предшественник погиб от рук вооруженных грабителей. На самого Ника совершено разбойное нападение. Неожиданно увольняют одного из ведущих трейдеров компании. Изабель, коллегу и возлюбленную Ника, похищают и увозят в неизвестном направлении.

Книга рассчитана на широкую аудиторию.

УДК 82-3;336.76
ББК 84(Вел);65.264

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Michael Ridpath, 1998

ISBN 978-5-9614-0505-7 (серия)
ISBN 978-5-9614-0512-5 (рус.)
ISBN 0-14-027177-5 (англ.)

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина Бизнес Букс», 2007


Благодарности

Приношу искреннюю благодарность всем бразильцам, живущим в Лондоне и Бразилии, не пожалевшим времени, слов и сил, чтобы рассказать мне о своей стране и своем народе.

Теплые слова хочется сказать Жайми Бернардесу из издательства Nordica, радушному хозяину и прекрасному экскурсоводу; Марии-Силвии Маркес, бывшей главе казначейства Рио-де-Жанейро; Луису-Сезару Фернандесу, председателю Банка Ractual; Жоржи Маману, администратору фавелы Росинья; Хекелю Рапосо, консультанту по вопросам безопасности; Педру Паулу-ди-Кампосу, управляющему директору компании Oppenheimer (Сан-Паулу), а также Алану и Стефани Уокер.

Кроме того, хочу выразить огромную признательность за долготерпение Айдану Фрейне и его коллегам из отдела развивающихся рынков ведущего инвестиционного рынка США и мира Salomon Brothers, Inc. Отдельное спасибо — Филу Кавендишу за его неоценимую помощь.





Человек, сидевший напротив и спокойно рассматривавший меня сквозь клубы сигаретного дыма, контролировал финансовое будущее целого континента. И, что еще важнее, мое тоже.

— Спасибо, что зашли, Ник, — сказал он. — Джейми много рассказывал о вас. Много хорошего.

Глубокий голос, четкая дикция и британский акцент с едва различимой примесью южноамериканского.

— Он много рассказывал и о вас.

Это было правдой. На прошлой неделе Джейми подробно познакомил меня с биографией Рикарду Росса. Его отец был англо-аргентинцем, мать — венесуэлкой, а воспитывался он в частной школе в Англии. Десять лет работал в Dekker Ward, превратив фирму из третьесортной лондонской брокерской конторы в главного игрока на

латиноамериканских рынках облигаций. Элитная компания Росса Emerging Markets Group стала предметом зависти трейдеров и брокеров в Лондоне и Нью-Йорке, а Джейми считал, что Рикарду вот-вот станет одной из самых значительных фигур финансового мира.

И теперь этот человек решал, брать меня на работу или нет.

Выглядел он впечатляюще. Рубашка в полоску с монограммой, изящные золотые запонки, безукоризненно уложенные густые темные волосы. Плюс толика неформальности: узел французского шелкового галстука повязан на четверть дюйма ниже расстегнутой верхней пуговицы, а рукава закатаны ровно настолько, чтобы видны были плоские, как бумага, швейцарские часы.

— Чашечку кофе? — спросил он.

— С удовольствием.

Мы сидели в тесной рабочей комнате для совещаний в застекленном уголке операционного зала. Он протянул руку к телефону, стоявшему на небольшом круглом столике, и нажал кнопку.

— Альберту? Два кофе, пожалуйста.

Менее чем через минуту крохотный пожилой человечек в черном костюме принес нам две маленьких чашечки кофе.

— Кофе. Вот чего мне больше всего недостает в Лондоне, — сказал Рикарду. — Постепенно он становится лучше, но до настоящего качества еще далеко.

Попробуйте этот. Колумбийский. Даю гарантию, что лучшего вы во всем Лондоне не найдете.

Он откинулся в кресле, положив ногу на ногу. На узком красивом лице появилась едва заметная улыбка. Нервные пальцы постоянно теребили обручальное кольцо.

Кофе был мягким и густым, как небо от земли отличаясь от растворимого Nescafé, к которому привык я. Рикарду сделал маленький глоток, наслаждаясь вкусом напитка, и осторожно поставил чашечку на блюдце.

— Со сколькими людьми вы уже говорили? — спросил он.

— Вы седьмой.

Рикарду улыбнулся.

— Насыщенное утро. Значит, о Dekker Ward вам уже все известно?

— Многое. Но это ваша фирма. Я бы хотел услышать о ней от вас.

— Что ж... Здесь я заправляю только департаментом развивающихся рынков. — Он качнул в сторону зала. — Остальные подразделения обосновались в Сити уже лет полтора как. Их можно оставить на попечение лорда Кертона, председателя правления. Мы предпочитаем держаться друг от друга на расстоянии.

На расстоянии, это уж точно. Мы сидели сейчас в трех милях к востоку от Сити, на сорок каком-то этаже небоскреба Кэнери Уорф.

— Но ваш департамент приносит компании девяносто процентов прибыли, если не ошибаюсь.

— Девяносто пять. — Рикарду улыбнулся.

— И как вам это удастся?

— Мы лучшие, — просто ответил он. — Самые лучшие. Мы лидируем на рынке латиноамериканских долговых обязательств. Мы инициировали выпуск большего количества облигаций, чем три наших главных конкурента вместе взятые. По количеству сделок мы первые. Знаем всех и каждого. Если вам нужно занять денег, вам придется иметь дело с нами. Если вы хотите вложить деньги, вам снова придется иметь дело с нами. Мы создали этот рынок. Он наш, и только наш. А прибыли на нем солидные.

— Догадываюсь. Но как вам удалось занять такое положение?

— Мы всегда держимся на шаг впереди остальных. Хватаемся за каждую возможность прежде, чем остальные ее увидят. Эндрю Кертон пригласил меня сюда десять лет назад — думаю, он просто хотел пристроить к фирме еще одну маленькую производственную линию. Он и представить не мог, во что мы вырастем. Тогда, в восьмидесятые, мир практически списал Латинскую Америку со счетов, а мы убеждали людей снова инвестировать в нее. Большинство латиноамериканцев с деньгами вкладывали их в офшор. Мы объединили усилия с Chalmet, частным швейцарским банком. У них была масса клиентов, жаждущих снова вложить деньги в регион.

Он сделал паузу, затянувшись сигаретным дымом. Потом стрельнул глазами в мою сторону, чтобы проверить, слежу ли я за его рассказом. Я следил — и внимательно.

— Затем большие коммерческие банки, в семидесятые ссудившие Латинскую Америку миллиардами долларов, начали распродавать свои кредиты с огромной скидкой. Мы помогли им, став посредниками в этих операциях. В начале девяностых многие из этих кредитов были конвертированы в облигации — облигации Брейди. Мы торговали ими, переводя из рук коммерческих банков в руки новых инвесторов. А в последние несколько лет люди были очень не прочь инвестировать в Латинскую Америку. И мы организовывали выпуск облигаций для всех, от бразильских производителей стекла до аргентинского правительства.

— Но разве в этом у вас нет конкурентов?

Рикарду усмехнулся.

— Конечно, есть. В эту игру вовлечен каждый. Но мы оказались в ней первыми. У нас связи, у нас лучшие профессионалы. Если какая-то фирма хочет стать координатором выпуска облигаций латиноамериканскими заемщиками, то она вынуждена делать координаторами и нас. Таковы правила.

— А если правила нарушают?

— Тогда выпуск бумаг летит к черту. Ничто не делается без нашей поддержки.

— Завидное положение.

Рикарду кивнул.

— Но нам все время приходится быть начеку. Поэтому мне нужны лучшие из лучших. Без профессионалов мы ничто.

Сквозь стекло нашей рабочей комнаты я оглядел операционный зал. Куча столов, оборудования, десятки мужчин и женщин — обсуждающих что-то, набирающих номера на своих телефонах, изучающих экраны мониторов, толкущихся там и сям по залу. Приглушенный шум всей этой суеты проникал и сюда, через стеклянные стены. Любопытно, что они делали? С кем говорили? О чем? На бесчисленных мониторах мелькали цифры. Что они значили?

И за всей этой суতোлкой расстилалось ясное голубое небо — пустое пространство над лондонскими доками.

Рикарду проследил за моим взглядом.

— Они молоды. Умны. Трудолюбивы. С самыми разными биографиями — от аргентинских аристократов до провинциалов из Ромфорда. Нас не так уж много, но мы — элита. И на борту нет места для пассажиров. Вклад вносит каждый из нас.

Я кивнул. Рикарду умолк в ожидании моего следующего вопроса. На кончике моего языка крутилось: «Так на кой черт я вам сдался?» Вместо этого я произнес:

— А что насчет развивающихся рынков помимо Латинской Америки?

— Хороший вопрос. В Азии нам делать, пожалуй, нечего. Там полно своих банков, а рынок облигаций

довольно узок. Восточная Европа куда как интереснее, хотя даже она становится все более респектабельной. Вы знали, что у Словении рейтинг «А»? Это почти на уровне Италии.

Этого я не знал.

— Но Россия... Вот где главный приз. Ситуация во многом та же, что и в странах Южной Америки, и потенциальные прибыли как минимум на том же уровне. Если не выше.

— Поэтому вы и решили пригласить меня?

— Именно. Мне нужен человек, который говорил бы по-русски, разбирался в экономике и имел голову на плечах. Человек, которого я обучил бы нашим методам и приемам. Голодный, рвущийся в бой и преданный своей команде. В последнее время у нас возникли кое-какие проблемы с нашей восточноевропейской группой. Не знаю, говорил ли вам Джейми об этом.

— Они, кажется, вас кинули, так? Перешли в Bloomfield Weiss?

— Верно, — сказал Рикарду. Его голос по-прежнему звучал ровно, но теперь пальцы танцевали вокруг обручального кольца, не останавливаясь ни на мгновение. — Моя ошибка. Это были наемники, которые переметнулись к тому, кто был готов заплатить больше. Я доверился им. Предоставил самим выстраивать дело. Теперь я намерен работать только со своими людьми. С людьми, на чью преданность я могу положиться.

Он сделал паузу.

— Я верю этим людям. Мы — единая команда, мы вместе трудимся и вместе делаем деньги. Много денег. Видите этого человека — с восточной внешностью?

Я проследил за взглядом Рикарду и увидел невысокого толстячка лет сорока, который смеялся, разговаривая с кем-то по телефону.

— Да. С ним я уже познакомился. Кажется, Педру — не помню фамилию.

— Точно. Педру Хаттори. Японско-бразильских кровей. Он мой ведущий трейдер. Заработок за прошлый год составил цифру с семью нулями.

На секунду я задумался, считая про себя эти нули. Семь нулей, господи! Это же минимум десять миллионов фунтов. Или долларов, или еще чего-то. Я и не мог представить, чтобы человек действительно столько получал.

Рикарду заметил мое удивление и рассмеялся:

— А сколько зарабатываете вы?

— Четырнадцать тысяч семьсот пятьдесят фунтов в год, — сказал я. — Плюс лондонская надбавка.

— Если мы возьмем вас, то будем платить тридцать тысяч сразу, без испытательного срока. Будете приносить прибыль — получите премиальные. Сколько — зависит целиком и полностью от вас. Что скажете?

— Хм... Прекрасно.

— Вот и хорошо. А теперь расскажите о себе. Почему вы хотите работать у нас?

Я запустил заранее подготовленную бодягу.

— Меня всегда привлекали финансовые рынки.

Он жестом остановил меня.

— Секунду, Ник. Последние шесть лет вы посвящали изучению русского языка. Если бы вы действительно считали, что финансовые рынки так интересны, то уже работали бы в каком-нибудь банке, верно? И этот наш разговор не состоялся бы.

Он смотрел мне прямо в глаза, спокойно выжидая, когда мне надоест валять дурака. Я вспомнил, как Джейми сказал мне: «Говори что угодно, но не вешай Рикарду лапшу на уши. Ему нужно знать наверняка, кто ты и чего хочешь. Только тогда он примет решение».

Что ж, в конце концов благодаря Джейми я и получил это интервью. Будем играть по его правилам.

— После Оксфорда я и не думал, что когда-нибудь соберусь работать в банке, — сказал я. — Костюмы, мобильники, смехотворные зарплаты, жадность...

Рикарду вскинул брови.

— И что же изменилось?

— Мне нужны деньги.

— Зачем?

— Да они ведь нужны всем, разве не так?

— Некоторым — больше, чем другим.

Я умолк. До какой степени мне нужно раскрываться перед этим человеком? Я снова вспомнил о совете, данном мне Джейми.

— *Мне* они нужны больше, чем другим, — сказал я. — У меня ипотечная ссуда, которую я не в состоянии

выплачивать, а моя временная работа заканчивается в конце семестра.

— И когда же это?

— В пятницу.

— Понятно. А если продлить договор?

— Непростая задача. Количество мест, выделяемых для преподавателей русского, тает, а таких, как я, с каждым днем все больше. К тому же у многих подготовка посерьезнее. Так что от меня мало что зависит.

— Значит, вы голодны. Это мне нравится. И насколько вы голодны?

— То есть?

— То есть, если бы у вас была пристойная работа и пристойная зарплата, позволяющая вам выплачивать вашу ипотеку, были бы вы счастливы?

— Нет, — сказал я. — Если уж я пойду на это, то для того, чтобы заработать кучу денег.

— И что вы станете делать, когда добьетесь своего?

— Брошу все. Буду читать книжки.

Брови снова взлетели вверх.

— А разве сейчас вы не этим занимаетесь?

Я вздохнул:

— Нет. Сейчас я занимаюсь тем, что шлепаю на компьютере тонны аналитического материала, преподаю, готовлюсь к лекциям и семинарам, занимаюсь администрированием. В основном администрированием. А заработок от всей этой суеты не позволяет даже оплачивать квартиру, в которой я живу. Это мышеловка. Работая здесь, я смог бы вырваться из нее.

Рикарду слушал очень внимательно, не отрывая взгляда ни на секунду. У меня возникло такое чувство, словно я был для него самым важным человеком в мире. Глупо, конечно, но мне это польстило всерьез.

— Понятно, — сказал он. — А почему вы думаете, что справитесь? Безусловно, в академическом мире вы проявили себя более чем хорошо. Первый в своем выпуске по философии, политологии и экономике. Затем — степень магистра по экономике развития. Прекрасные рекомендации от декана факультета русистики. Но это все же не совсем наш профиль.

— Я справлюсь. — На секунду я задумался, пытаюсь облечь в слова то, в чем с неохотой признавался самому себе, не говоря уж о других. Но я знал одно: если я хочу получить эту работу, то должен убедить Рикарду. — Я люблю русскую литературу. Люблю читать ее, люблю ее преподавать. Но с тех пор как мои сверстники закончили Оксфорд, они уже успели сколотить себе кругленькие состояния, работая в Сити. Они не умнее меня. И никто из них не родился бизнесменом. Наверное, я хочу доказать себе, что могу добиться того же. Я умею работать, быстро учусь. Я разберусь, что к чему.

— Вы трудоголик? — поинтересовался он.

Я улыбнулся:

— Лентяй.

Рикарду ухмыльнулся:

— Джейми сказал, что вы самый умный человек из всех, кого он знает. А его оценкам я доверяю.

Он ждал моей реакции. И не дождался. У меня, к счастью, хватило ума промолчать. Молодчина Джейми, подумал я. Он всегда был склонен к преувеличениям, но сейчас обижаться грех.

— И еще один любопытный момент, — продолжил Рикарду. — Как сочетаются ваши моральные принципы с желанием влиться в финансовые ряды? Мне почему-то кажется, что на занятиях по экономике развития вас вряд ли учили тому, что международный капитал и есть спаситель третьего мира.

— Верно. — Я улыбнулся. — Тогда мои экономические идеи были вполне социалистическими. Но я прожил два года в России, советская система обрушилась на моих глазах. Я своими глазами увидел, в какой бардак может превратить экономику государственное планирование.

— И поверили в свободный рынок?

Я покачал головой.

— Нет. Я, пожалуй, не верю ни в одну экономическую систему. Мир переполнен страданием. И я прочитал слишком много русских романов, чтобы не понимать, что с этим ничего не поделаешь. Так было, так есть и так будет. Всегда.

— Думаю, вы неправы. — Рикарду заглянул мне в глаза. — Пример — Южная Америка. Восемьдесятые годы — десятилетие нищеты и полной безнадежности. Континент сделал гигантский шаг назад. Почему? Потому что ему до смерти стало не хватать международных капиталов. Конечно, само по себе это было ре-

зультатом глупости банкиров, в семидесятые раздававших кредиты направо и налево. И коррумпированных политиков, эти кредиты прикарманивавших. Однако сейчас перспективы куда лучше. Иностранные капиталы снова потекли в регион, и не в последнюю очередь благодаря нам. Но на этот раз деньги тратятся на то, что будет приносить реальную отдачу. Заводы, дороги, образование. Это изменит к лучшему жизнь миллионов. И я горжусь тем, что мы тоже внесли свой вклад в этот процесс.

— Надеюсь, что так оно и есть, — проговорил я, не в силах скрыть сомнение.

— Похоже, я вас не убедил. — Рикарду откинулся назад и улыбнулся. — Ну что ж, немножко трезвости в нашем бизнесе никогда не повредит.

Он умолк и достал новую сигарету, не сводя с меня глаз. Его глаза были темно-голубыми, что резко контрастировало с густыми черными волосами и загорелой кожей. В них чувствовался властный, пронизательный ум, но в то же время они излучали симпатию, а не угрозу. «Иди к нам, — словно манили они. — С нами ты в безопасности». Я был знаком с Рикарду Россом всего лишь четверть часа, но мне уже было трудно ему сопротивляться. Теперь понятно, почему Джейми так восторженно о нем отзывался.

Я сидел молча, позволяя ему оценить услышанное.

Он не заставил себя долго ждать.

— Хорошо, посидите минутку здесь. Мне нужно переговорить с людьми.

Он оставил меня в комнате для заседаний и вернулся к своему столу. Я смотрел, как он вызывает тех, с кем мне сегодня уже довелось пересечься. Педру Хаттори, высокий холеный аргентинец; американка, возглавлявшая исследовательский отдел; трейдер-кокни, комиссионер-мексиканец, француз, чьей должности я не помнил. Наконец я увидел светлые волосы и широкие плечи Джейми, стоявшего ко мне спиной. Да, он сослужил мне добрую службу.

Следующие три минуты показались вечностью, но в конце концов все разошлись. Рикарду вошел в комнату и протянул мне руку:

— Добро пожаловать на борт.

На мгновение я заколебался. Не слишком ли я поторопился? Действительно ли хочу изменить свою жизнь, продав душу Сити?

Тридцать тысяч в год, а со временем, может, и больше — или ничего?

Я вспомнил о письме, присланном мне на этой неделе Норрисом из строительной компании. Если в течение тридцати дней я не выплачу задолженность по ипотеке, у меня просто отберут квартиру.

Выбор напрашивался сам собой. Я пожал протянутую руку:

— Спасибо.

— Значит, увидимся в понедельник, в семь утра.

— Отлично, — я направился к двери.

— Да, еще один момент...

Я обернулся. Рикарду смотрел на мой костюм. Польский. Стопроцентный полиэстер. Я старался не надевать его без крайней нужды.

— Сколько у вас костюмов?

— Э-э... Один.

Он достал из кармана чековую книжку, раскрыл ее и что-то написал в ней своей изящной тонкой авто-ручкой. Потом оторвал листок и протянул мне.

— Купите себе приличный костюм. Деньги вернете, когда сможете.

Я машинально сунул чек в карман, и Рикарду проводил меня до лифта. Проходя через операционный зал, я встретился глазами с Джейми. Он расплылся в улыбке.

Пока лифт спускался на сорок этажей, я достал чек и рассмотрел его. Размером больше обычного, с замысловатым зеленым узором, он был выписан на личный счет Рикарду в банке, о котором я никогда не слышал. Черные чернила, элегантный почерк. «Выдать Николасу Эллиоту пять тысяч фунтов».

— Мои поздравления, Ник!

Огромные светло-карие глаза Кейт улыбались. Она сделала глоток шампанского. Сегодня Кейт и Джейми пришли ко мне в гости отпраздновать победу.

— Поздравлять нужно не меня, а твоего мужа. Ты даже не представляешь, какие байки он наплел Рикарду.

— Это я умею, — Джейми сверкнул белозубой улыбкой. — Но, по правде говоря, я знал, что делал. Рикарду искал такого человека, как ты. И я знаю, что ты не

подведешь. — Он рассмеялся. — Уж постарайся. Иначе искать новую работу придется не тебе одному.

— И все-таки спасибо.

— Здорово будет снова поработать вместе. Как на семинарах Хеммингза — помнишь?

— Еще бы. Ради блага компании хочется верить, что ты разбираешься в рынках лучше, чем в работах Платона.

— Та же бодяга. Тени на стене пещеры. Сам скоро убедишься.

Мы с Джейми подружились еще на первом курсе, на семинарах в Оксфорде. Мы были очень разными. В отличие от меня Джейми окунулся в университетскую жизнь с головой. Бесконечные развлечения: регби, попойки, интеллектуальные посиделки, вульгарные вечеринки, демонстративная пресыщенность. Одно, впрочем, он делал с завидным постоянством — ухлестывал за юбками. Благо с его внешностью успех ему был обеспечен: сияющие голубые глаза и широкая дружелюбная улыбка, в общем, свой парень. Я следовал за ним на некотором расстоянии, осторожно лавируя во всем этом сумбуре. С женщинами мне везло меньше, чем ему. Я был высок, темноволос, неприметен и немножко робок. Но вместе нам было здорово. После университета наша дружба еще более окрепла.

— Поверить не могу, что ты станешь банкиром! — воскликнула Кейт. — Особенно после всех нравоучений, которыми ты кормил Джейми.

— Могу тебя понять. Ужасно, правда?

— А когда ты купишь БМВ? Тебе, кстати, нужен еще и мобильник. И подтяжки.

— Не так быстро, Кейт, всему свое время, — сказал Джейми. — Ник, у тебя есть трусы в полоску?

— У Рикарду полосатые трусы?! — спросила Кейт.

— Откуда я знаю?

— Ну, я просто подумала, что раз вы там все так спаяны...

— Нет уж, я как-нибудь обойдусь бельишком попроще, — сказал я.

Мы выпили еще шампанского. Я был в прекрасном настроении и все больше убеждался в правильности выбранного решения.

— А что ты скажешь о нашем маркетмейкере? — спросил Джейми.

— Маркетмейкере? Кто это? Рикарду?

— Да, это его прозвище. Еще с тех времен, когда он был единственным человеком в мире, занятым созданием рынка на латиноамериканских долгах. Теперь только ленивый не торгует этими облигациями. Но именно Рикарду превратил рынок в то, чем он стал сейчас.

— Он производит впечатление, что есть, то есть. Но я ожидал чего-то в этом роде. Меня удивило другое: его доступность. То есть я не хочу сказать, что он обычный ординарный тип, нет. Но ко мне он отнесся очень по-человечески.

— Что же здесь странного? — спросила Кейт.

— Не знаю. Наверное, думал, что такой магнат будет разговаривать со мной, как с микробом. Обычно он имеет дело с главами государств, а не с безработными гуманитариями.

— Секрет его обаяния отчасти и в этом, — сказал Джейми. — Кем бы ты ни был, ты чувствуешь, что он относится к тебе по-особому, всерьез. Будь ты мексиканский министр финансов или разносчик кофе.

— Во всяком случае, теперь ты сохранишь квартиру, — Кейт обвела взглядом маленькую гостиную. Здесь было мило и уютно, окна выходили в небольшой сад у дома. Но все равно, она была крошечной. Да и вся моя квартира была крошечной. Даже книги положить было некуда, не говоря уж о том, чтобы здесь поместились еще и люди. Не пойму, как нам с Джоанной удалось ухлопать такие дикие деньги на такое микроскопическое жилище. Конечно, место было прекрасным, всего в паре минут от Примроуз-Хилл, в северном Лондоне. Даже спустя шесть лет рынок так и не поднялся до цен, существовавших во время покупки нашей квартиры. Я сомневался, что они вообще когда-нибудь вырастут до того же уровня.

— Да, это радует, — сказал я. — Я привык жить здесь. Жалко отдавать квартиру кооперативу.

Теперь я сгорал от нетерпения как можно быстрее написать мистеру Норрису о том, что фортуна наконец-то повернулась ко мне лицом.

— Джоанна на финансиста, пожалуй, не тянула, но вкус у нее был, — вмешался Джейми.

— Негодяйка она, — отрезала Кейт. — И с тобой, Ник, обращалась просто бессовестно. Как она повесила на тебя все эти траты!

Я улыбнулся. Тема Джоанны заводила Кейт с пол-оборота. Пожалуй, мне это было даже приятно. Мои отношения с женой выдержали двухлетнее испытание разлукой, пока я жил в России, и, когда вернулся, мы решили купить жилье. Джоанна, проработавшая два года в коммерческом банке, была финансовым мозгом всей этой затеи. Она же нашла и квартиру. Когда спустя три года мы расстались и Джоанна улетела в Нью-Йорк со своим американцем, инвестиционным банкиром, она оставила мне свою половину недвижимости, да еще и мебель в придачу, в обмен на мои обязательства по выплате ипотеки. Тогда мне казалось, что я остался в выигрыше, тем более что начальная взнос сделала она. Однако очень скоро выяснилось, что моей зарплаты на выплаты явно не хватает. Точнее, не хватало до сегодняшнего дня.

Кейт поежилась.

— Ну и холодрыга у тебя. Ты можешь включить отопление?

— А зачем? Старушка этажом выше разогревает свою квартиру до двадцати пяти градусов. Часть тепла стекает сюда, вниз.

— Теплый воздух обычно поднимается вверх, — язвительно заметил Джейми.

Кейт смущенно умолкла. Это нередко происходило с моими благополучными друзьями. Платить по счетам для них было просто тратой времени, а не финансовой проблемой, которую удастся разве что отсрочить, но уж никак не решить. Внезапно она повеселела:

— Да ладно тебе. Еще немного и заживешь как в тропиках.

Я промолчал. Бойлер сломался еще в феврале. Для горячей воды его еще хватало, но отопление он уже не тянул. Ремонт обошелся бы в восемьсот фунтов. Зима была холодной, да и наступившая весна тоже кусалась. Но Кейт права: теперь я мог купить новый бойлер. И избавиться от непросыхающих подтеков на кухне. И может быть, даже купить себе новые туфли.

Джейми словно читал мои мысли.

— Жизнь начинает меняться к лучшему, — сказал он.

— На это я и рассчитывал.

— Но работа в Dekker не сахар. Я не говорю, что Рикарду потребует от тебя все двадцать четыре часа. Его устроит и та часть суток, которая остается от сна.

Кейт фыркнула.

Я посмотрел на нее, догадываясь, что она имела в виду. Я живу один. Дождаться меня по вечерам будет некому.

— Я умею выкладываться, Джейми. Ты это знаешь.

— Угу. Посмотрим, каков герой ты будешь в семь утра.

Я расхохотался.

— Всегда мечтал увидеть, как выглядит мир в такое время суток. Теперь, пожалуй, выясню.

— И с регби придется расстаться, — сказал Джейми.

— Ты думаешь? Да нет, как-нибудь приспособлюсь. Пару тренировок, конечно, могу пропустить, но команде я нужен.

Я играл восьмым номером и был звездой факультетской команды. Без меня им пришлось бы туго.

— Не получится, — возразил Джейми. — Я тоже играл, пока работал в Gurney Kroheim, но когда перешел в Dekker, пришлось бросить. Поездки — вот в чем засада. Приходится по звонку вылетать и на выходные. Ни одна команда не станет терпеть такое — это ведь не раз и не два.

Я поймал взгляд Кейт. Похоже, страдал не только регби.

— Жалко, — сказал я. — Я привык играть.

— А мне? Мне тоже жалко, — подхватил Джейми. — Стараюсь держаться в форме, но это совсем не то. Видимо, придется искать другие каналы для выхода агрессии.

Джейми играл действительно здорово — лучше, чем я. В команде колледжа Магдалины он прикрывал меня в схватках за мяч, играя на позиции полузащитника. Роста он был невысокого, но мощные плечи и сильные ноги позволяли ему легко стряхивать игроков, вдвое превосходивших его размерами. И на блок он шел без страха. Никогда не забуду, как он

запустил вверх ногами восьмой номер команды All Blacks, когда тот ринулся в гущу схватки. Джейми доводилось играть даже за университетскую сборную, и если бы его не отвлекали прочие соблазны студенческой жизни, он вошел бы в постоянный состав. Теперь же, как он дал понять, вся его агрессия поставлена на службу Dekker Ward.

Он допил остатки вина в бокале и потянулся к бутылке.

— Пусто. Сбежать и принести еще? У вас за углом, кажется, торгуют на вынос. Столик заказан на восемь-тридцать, так что полчаса у нас еще есть.

— Я схожу, — сказал я.

— Нет уж. Эту ставлю я. Обернусь за минуту.

Он набросил пальто и вышел.

Какое-то время мы сидели молча. С возрастом она только хорошеет, подумалось мне. Кейт всегда была привлекательной, пусть и не красавицей. Короткая стрижка, каштановые волосы, открытая улыбка, огромные глаза. Материнство ей шло. В ней появились мягкость, округленность и какой-то внутренний покой.

Кейт понравилась мне с первой встречи, когда нас с ней прижали к перилам на шумной вечеринке на Коули Роуд. Потом мы иногда встречались, а в последний оксфордский год я познакомил ее с Джейми. Тот взялся за дело решительно — и, как это ни странно было для него, их отношения постепенно окрепли. Через три года они поженились, а еще год спустя Кейт родила сына — моего крестника. После этого она бро-

сила работу в большой адвокатской конторе в Сити и посвятила себя малышу.

— Как дела у Оливера?

— О, прекрасно. Все время спрашивает, когда ты придешь, чтобы снова поиграть с тобой в Капитана-Мстителя.

Я улыбнулся.

— А я надеялся, что он уже вышел из моды.

— Боюсь, что еще нет.

Кейт отпила шампанское из бокала.

— Ник, ты уверен, что принял правильное решение? — В ее голосе чувствовалась озабоченность. Меня это насторожило. Чего-чего, а здравого смысла у Кейт было хоть отбавляй. И она хорошо меня знала.

— Да, — сказал я, стараясь казаться увереннее, чем был на самом деле. — В конце концов, Джейми ведь нравится работать в Dekker, разве нет?

— Да, — произнесла Кейт бесцветно. — Ему нравится.